Сапатисты без маски

Шарль Рив

В эпоху золотого века «реально несуществующего социализма» организовывались поездки в страны сияющего будущего. Паломников приглашали выразить восхищение действительностью, инсценированной местными властителями. И люди отправлялись в Советский Союз — страну «советского социализма», Китай — страну «маоистского социализма», Албанию — страну «мини-социализма», на Кубу — в страну «социализма бородачей», в Никарагуа — страну «сандинистского социализма» и т.д. и т.п. Никто не желал слушать тех, кто сомневался в объективном, научном и бесспорном характере этих сфабрикованных реальностей — вплоть до того дня, когда эти системы разваливались. Люди верили, что увидели нечто, на самом деле они не видели ничего. Сделаны ли из этого какие-то выводы? Очевидно, нет. Сегодня люди снова отправляются в путь, везя в рюкзаке улыбку, — в конвои, организуемые через революционный Чиапас друзьями сапатистов. Они должны строго соблюдать установленные маршруты, осматривать только то, что разрешено, и верить вождям на слово. Непробиваемый аргумент все тот же самый: угроза со стороны империалистических сил; только «комманданте» знают, что хорошо для народа.

По нашему мнению, то, что эти люди считают надеждой — в действительности всего лишь блеск их отчаяния. В содрогающемся от кризиса мире запросы на будущее снижены! Люди, превращаясь в апостолов реализма, отказываются от самого главного и начинают поддерживать новые разновидности угнетения. Группы революционных туристов, плененных индейской экзотикой, не в состоянии дать нам хотя бы минимальную информацию о том, что там происходит — об акциях захвата земли, о формах организации, созданных борющимися крестьянами, об их целях и политических перспективах. Неужели одного только упоминания имени Сапаты и простого напоминания о «Мексике на вулкане» достаточно, чтобы мобилизовать людей? Как можно наивно кидаться поддерживать движение, которое пропагандирует ценности культурной замкнутости и патриотизма, — те самые ценности, которые угрожают сегодня привести мир на край пропасти? Те, кто возлагает на мир более радикальные надежды, могут оправдать свою солидарность с Сапатистской армией национального освобождения только тактическими обстоятельствами. В рамках этой тактической поддержки люди доходят до того, что готовы допустить у

других то, чего никогда не потерпели бы у себя. Не лучше ли проанализировать, что же нового есть в этом типе организации, вместо того, чтобы обманываться чарами замаскированного спасителя?...

В октябре 1968 г. мексиканское правительство, застигнутое врасплох невиданными до тех пор для страны масштабами студенческого движения, расстреляло на Площади Трех культур в Мехико 300 демонстрантов. Одновременно начались репрессии против крайне левых организаций. После этих трагических событий марксистско-ленинско-маоистская группа «Политика популар» («Народная политика») приняла решение покинуть студенческую среду и направить свою деятельность на «народные массы». Она утвердилась в городах Севера, где бегство жителей из сельской местности привело к появлению огромных кварталов бедноты. Эти кварталы представляли собой благодатную почву для левых активистов. Их цель состояла в том, чтобы создать «красные базы» — сеть организаций, которые должны были охватить все сферы социальной жизни и со временем оказаться в состоянии взять под контроль эти бедные кварталы. Тактика была позаимствована у «левого» крыла китайской культурной революции: политическое руководство никогда не должно было появляться публично; его решения всегда изображались как результат массовых консультаций в комитетах и на собраниях. Классическая модель манипулирования населением со стороны авторитарной авангардной организации прикрывалась демагогическими разглагольствованиями о базисной демократии. В зоне своей политической работы мексиканским маоистам неминуемо предстояло столкнуться с уже действовавшими там активистами — прогрессистскими священниками «теологии освобождения». Хотя они конкурировали друг с другом за контроль над массами, маоисты и священники вступили в союз. Из этой удивительной кооперации выросла мексиканская модель «массовой работы», известная как «торреонизм», по названию большого города на Севере.

Мексиканское правительство, обеспокоенное успехами этого движения, прибегло в середине 70-х годов к жесточайшим репрессиям, в ходе их многие активисты были убиты. Руководство организации снова пересмотрело свои позиции: «массовая линия» с центром политической работы в городах была заменена «пролетарской линией» — укоренением, прежде всего, в среде беднейшего крестьянства. Фактически это означало отход мексиканских маоистов в районы, где они чувствовали себя в безопасности от репрессий; это был их «долгий марш». Это были смутные времена в истории группы, со многими неудачами, расколами, уходом членов, внутренними разборками. К тому же периоду относится и возникновение связей между представителями правящей партии ИРП и некоторыми вождями «Народной политики». Двое из виднейших вождей того времени стали ныне высокопоставленными чиновниками ИРП в крестьянских организациях.

Только в конце 70-х годов первые бригады маоистского авангарда добрались до Чиапаса, где они снова застали своих прежних попутчиков из прогрессистской церкви, которые уже основательно окопались в крестьянских общинах. Союз между двумя организациями строился на идее «индейской церкви»; в основе ее лежали принцип

автономии епархий и способность низовых активистов выполнять задачи евангелизации населения и служить мессы. Влиятельные в Чиапасе доминиканцы приветствовали эту идею, позволявшую им продолжить работу по обращению индейцев, а маоисты использовали ее для проникновения в общины и формирования низовых кадров. Оба авангарда делали упор на индейскую специфику, что объяснялось ролью «индейской церкви» при их закреплении. Сегодня уже нелегко проследить ясную и линейную связь между тем временем укоренения организаций и возникновением САНО. Ясно лишь, что такая связь существует. Постепенно в Чиапас прибыли и другие группы маоистских активистов. Маркос был, по-видимому, членом одной из последних «бригад».

Многие активисты и политические лидеры пали жертвой беспощадных репрессий со стороны армии и помещичьих наемников. Выжившие вынуждены были изменить некоторые из своих концепций применительно к местным условиям. Но известно, что в крестьянских выступлениях снова проявились тактические принципы «левых» маоистов — постоянное обращение к собраниям как к средству укрытия и защиты политических вождей.

Подобно своим перуанским собратьям из «Сендеро луминосо», мексиканские маоисты критиковали геваристскую «теорию очага». Они поняли, что политическое внедрение не принесет успеха, если будет ограничиваться деятельностью вооруженного ядра, которое как ястреб с неба падает на крестьянские общины, замкнутые в самих себе и враждебные по отношению к внешнему миру. С самого начала они из тактических соображений расхваливали индейскую специфику. Военное ядро должно было интегрироваться в общины, в том числе и используя связи с «индейской церковью». Во второй фазе политическая организация приспосабливала свои концепции руководства к новым историческим условиям распада сельских общин и пролетаризации крестьян-индейцев. К этому периоду относится создание крестьянских профсоюзов. В 1991 г. «Независимый крестьянский альянс Эмилиано Сапаты» превратился в общемексиканскую организацию, что было качественным скачком. Формирование массовой базы было завершено, а регионалистский подход, которому способствовали общины с их натуральным хозяйством и «индейская церковь», был преодолен. Настало время вооруженной борьбы. Согласно этой модели, создание военной организации стало последней фазой длительной политической работы по укоренению среди населения. Сегодня сапатистская армия, выросшая из этих массовых организаций, — только одна из структур организации, причем ее видимая часть! Тексты САНО и заявления Маркоса часто упоминают этот пункт. Успех сапатистской организации можно объяснить по большей части политической ловкостью ее активистов в ходе долгого периода укоренения.

Восстание в Чиапасе нельзя отрывать от общего ухудшения ситуации. В начале 90-х годов всю Мексику потрясали социальные движения. Интеграция национальной экономики в североамериканское экономическое пространство ускорила шедшие уже много лет изменения, особенно индустриализацию сельскохозяйственного производства и, как следствие, развал натурального хозяйства. Обнищание мелких крестьян росло, вызывая массовые выступления и восстания. Подавляющее большинство молодежи не имеет возможности пользоваться землей и не находит работы в городах. Следует помнить о том, что 60% жителей Чиапаса моложе 20 лет. Именно

они включались в организацию. «Сегодня сапатистская армия состоит преимущественно из этой массы людей — молодых и маргинализированных, современных, многоязычных и с опытом наемного труда. Ее профиль имеет весьма мало общего с тем образом оторванного от жизни индейца, который мы рисуем себе, сидя в Мехико» (А. Гарсиа де Леон).

Оригинальность САНО — в ее изумительной способности приспосабливаться к новой ситуации, которая сложилась после развала госкапитализма и прекращения раскола мира на два блока. Речь идет о первом авангардистском партизанском движении, которое ищет эффективный способ действий в эпоху «нового мирового порядка». Ее вожди, несущие на себе отпечаток марксизма-ленинизма, никогда не критиковали эксплуататорский характер рухнувшей системы. Они просто приняли к сведению исчезновение того, что они продолжают считать социализмом. «Советский Союз — все это прошло, социалистического (!) лагеря больше нет; выборы в Никарагуа проиграны; в Гватемале заключен мир; в Сальвадоре это обсуждается; Куба изолирована; никто больше не хочет и слышать о вооруженной борьбе, тем более о социализме; теперь все против революции, даже если она не является социалистической» (из интервью Маркоса). Что еще остается марксизму-ленинизму, потерявшему свои опоры, как не ухватиться крепко за примитивный антиимпериалистический патриотизм, за расхваливание национального начала и за почтение к парламентской демократии? САНО — это первая «посткоммунистическая» герилья, бюрократия, которая наживает себе капитал на демократии.

Контроль над словом — один из аспектов бюрократической натуры САНО. Голоса восставших в Чиапасе ограничиваются одним голосом, который говорит и пишет от имени всех остальных. Некоторые по-элитаристски защищают такое положение, объявляя Маркоса «художником», «самым лучшим из современных латиноамериканских писателей», представителем «горстки одаренных молодых людей».

«Он (Маркос) не говорит за них, он превращает своих товарищей в персонажи басен или коротких рассказов. Этой обращенной к общественности, но коллективной субъективностью он находит новый способ сказать «я», которое гармонирует с «мы», не подменяя его. Открытое и изменяющееся «я», которое каждый может взять себе и расширить по-своему, на свой лад» (Режи Дебре). Вопреки сказанному, то, что этот момент оправдывается почти всеми активно поддерживающими движение, вызывает особое беспокойство. Некоторые убеждают нас, что Маркос говорит не от имени народа, а как его инструмент. Но как мы можем знать слово народа, если слышим только Маркоса? Ну конечно же, его знает только Маркос!

Так мы попадаем в замкнутый круг. Тем не менее, некоторые доверчивые энтузиасты чувствуют себя как-то неуютно во время спектаклей субкомманданте и особенно усердно стараются доказать нам, что в этой военной организации присутствует «желание избежать опасностей каудильизма» (Г.Кливер) (*«каудильо»* по-испански означает «вождь»). Это мнение опровергает сам субкомманданте: «Новое состоит не в том, что нет каудильо; что действительно ново — так это то, что речь идет о каудильо без лица». С нашей точки зрения, это еще хуже! В мире Интернета и

виртуальной реальности анонимность отнюдь не означает конца вождизма, скорее это абстрактная форма авторитарности. Культ героя не устраняется, а выступает в чистом виде. Современность предстает перед нами, как карикатура из прошлого. Мы полагали, что с большевистским авангардизмом покончено — и вдруг сталкиваемся с авангардизмом Зорро. САНО — это дирижизм (от французского *«дириже»* — «руководить»), скрывающийся за демократическими «пасамонтаньяс» — масками сапатистов.

Внимательное чтение прозы САНО демонстрирует нам однако ясное разделение между «мы» (армия освобождения) и «они» (массы). Чтобы исключить любое сомнение, нам объясняют, что организация постоянно консультируется с «базисом» — существуют плебисциты, собрания, референдумы. Нам говорят о «демократическом политическом процессе», о «новом политическом проекте», об «автономной демократии на всех уровнях мексиканского общества», о «новом политическом синтезе» и т.д. Но когда уходишь от этих избитых фраз и пытаешься уточнить реальное содержание структур власти, натыкаешься лишь на неопределенные формулировки. Любой внимательный наблюдатель распознает за этой туманностью основные принципы «левого» маоизма — «торреонизма» 70-х годов. Сапатистская организация сохраняет верность этой модели: внизу — собрания, наверху — тайные политические комитеты (Главное командование САНО, в которое входят Маркос и его товарищи).

Повсюду в языке САНО натыкаешься на патриотические выражения (По словам Маркоса, страшно то, что для финансового капитала «ничто не свято, ни собственность, ни родина», именно потому что он глобален, транснационален. — Прим ред.). Один симпатизирующий наблюдатель (Дж. Росс) вынужден был заметить: «Из самого Маркоса сочится маниакальный патриотизм». Известно, что патриотическая истерия была одним из самых карикатурных пороков «левого» маоизма. В нашем случае эта тема благодаря ее демагогичности должна компенсировать отсутствие позиции по социальным вопросам. Особенно бросается в глаза отсутствие каких-либо указаний на проект реорганизации производства и общества в целом. САНО, которая стремится изобразить себя представителем бедного крестьянства, традиционно связанного с землей и почвой, ничего не говорит и не пишет против частной собственности на землю, даже не защищает конфискации помещичьих латифундий и захват земли. Известно однако, что в начале 1995 г. только в одном штате Чиапас бедные крестьяне и полупролетарии захватили более 500 латифундий. Здесь снова можно обнаружить разрыв между организацией и массами. Зато нет недостатка в упоминании якобы легальных социальных достижений сапатистов. На этой почве субкоммандантe в маске чувствует себя как дома и принимается перечислять успехи нового управления: «Рубка деревьев была запрещена. Были изданы законы о защите джунглей; запрещена охота на диких животных..., точно так же как выращивание наркотиков и торговля ими; и эти запреты соблюдались... И мы покончили с проституцией; безработица и нищенство исчезли. Дети узнали, что такое сласти и игрушки». Все это ошеломит того, кто убежден, что проблемы нельзя решить, не устранив их причин. С каких это пор алкоголизм и проституцию можно ликвидировать простым запретом? Как можно декретами устранить безработицу? С каких пор участие женщин в военных операциях и их включение в командную иерархию служит доказательством прогресса в деле женской эмансипации?

Мы знаем очень мало о конкретных условиях социального взрыва, распространяющегося в Мексике. Но ясно, что в решающие моменты мексиканским пролетариям приходится в одиночку противостоять репрессивному аппарату, который защищает частную собственность. Сторонники САНО желали бы, во что бы то ни стало, убедить нас, что она служит инструментом самообороны бедняков против государства и капиталистов. Но действительность выглядит совершенно иначе. Если столкновения происходят вне зоны военного контроля САНО, она в них не вмешивается, и восставших крестьян беспощадно расстреливают. Все это очень далеко от схемы вооруженных групп (существовавших в других местах и в другие времена), которые ставили своей целью противодействие репрессиям на месте. Ведь САНО — это не вооруженная группа в классическом смысле, а вооруженная часть организации, которая контролирует область и проживающее в ней население. Пока мексиканские пролетарии позволяют морочить себе голову и считают САНО своим защитником, им придется дорого платить за это. С этой точки зрения (мы ее разделяем), существование САНО можно рассматривать как тормоз для развития автономных тенденций борьбы. Авангардная организация существует благодаря своей способности заменять автономные силы партийными. Тем не менее, следует признать, что САНО играет двойственную роль в отношении молодых полупролетариев, составляющих ее основу. С одной стороны, она переводит их бунт в милитаристское русло, что позволяет ее вождям контролировать его. С другой, она придает им коллективную идентичность как раз в то время, когда идет сильная социальная дезинтеграция.

События в Чиапасе происходят в условиях капитализма, который находится в особой исторической ситуации. В период раздела мира на 2 блока любое стремление к национальной независимости предполагало подчинение той или иной империалистической державе. Цель так называемых освободительных движений состояла в том, чтобы разорвать зависимость той или иной страны от американского империализма. Националистическая идеология отождествляла себя с марксизмом-ленинизмом, который стал в свое время идеологией руководящих слоев новоформирующихся государств. С тех пор, как после краха госкапиталистической системы возник новый мировой порядок, националистическая идеология больше не может требовать такого разрыва. Любая авангардная организация под угрозой гибели должна переработать свою тактику и стратегию. С одной стороны, она продолжает выдвигать на первый план националистические лозунги, чтобы использовать сильные антиимпериалистические настроения в зависимых странах. С другой, она должна включиться в местную политическую жизнь и искать союзников, пользуясь противоречиями внутри правящих классов.

Известно, что военные действия САНО начались как раз в тот момент, когда вступило в силу Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА). С формально юридической точки зрения, оно призвано регламентировать уже давно идущий процесс установления контроля США над обоими соседями — Канадой на Севере и Мексикой на Юге. Слабая мексиканская экономика сталкивается с катастрофическими последствиями — закрытием неконкурентоспособных предприятий, разгромом

традиционного сельского хозяйства, обнищанием большинства населения. Поскольку для этой экономики характерно сильное государственное вмешательство, к этому добавляется перестройка внутри правящего класса. Обозначился распад завязавшихся в последнее время связей между номенклатурой государственной партии и классом частных капиталистов. Внезапно оказалась под угрозой вся система клиентелизма и коррупции. Распад политического класса (ИРП — Институционально-революционной партии) и сети контроля над гражданским обществом не новы; его уже обозначили студенческие восстания 60-х годов и автономные движения, появившиеся после землетрясения. Но теперь достигнута стадия развала; дело дошло даже до кровавых разборок в верхушке номенклатуры ИРП. Неолиберальная тенденция требует отмены бюрократических ограничений, которые, со своей стороны, составляют условия выживания старых секторов ИРП. Разумеется, основы для союзов между различными тенденциями далеко не однозначны. Многие лидеры неолиберализма сами происходят из коррумпированных и спекулянтских кругов ИРП. Здесь, как и в других местах, члены государственной бюрократии превращаются в рьяных сторонников дикого частного капитализма. Однако, среди мексиканской буржуазии немало и тех, кто не желает просто так подчиниться диктату североамериканского капитализма. Можно предположить, что военная акция САНО и волнение, вызванное ею в кругах мультинационального капитала, служат точкой кристаллизации в конфликте между национальной тенденцией и сторонниками американских интересов. Передача мексиканской нефти в американские руки (под предлогом погашения долгов) оживила антагонизм и усилила националистические настроения среди буржуазии.

(Маркос подчеркивает в своих выступлениях,что сапатисты стремятся «не разрушить, а защитить мексиканское национальное государство», тогда как правительство Мексики отдает страну международному финансовому капиталу.- Прим ред.)

Мексиканские социал-демократические левые, сгруппировавшиеся вокруг Партии демократической революции (ПДР), тоже должны были искать новое место на политической сцене. Вначале они искали союза с руководством САНО, предоставив к его услугам свои институциональные связи, свои политические и профсоюзные структуры и влияние в средствах массовой информации. Но союз продержался недолго. САНО не могла допустить, чтобы ее деятельность была интегрирована в национальную стратегию ПДР — партии, которую она считала скомпрометированной слишком тесными связями с определенной частью мексиканской буржуазии. Расхождения усилились после выборов в августе 1994 г, которые принесли поражение ПДР и успех католическо-неолиберальному течению в лице Партии национального действия.

САНО, со своей стороны, не претендует на власть. Это часто подчеркивается как доказательство ее антиавторитаризма. При этом упускается из виду, что ее вожди прекрасно понимают: в нынешней исторической ситуации и при нынешнем положении капитализма они и не могут взять центральную власть в государстве. Усилившись благодаря симпатии, которую вызвало их выступление, сапатисты могут выторговать для себя роль представителей маргинализированных и изолированных слоев пролетариата. САНО превратилась в новую партию мексиканских левых. Что касается Маркоса, то, опираясь на свой харизматический образ, созданный средствами массовой информации, он все больше выступает как вождь и разворачивает в СМИ все свое политиканство.

Наступление мексиканского кризиса и его финансовые последствия разрушили миф о неолиберальном чуде на всем американском континенте. Американские капиталисты, ожидавшие солидных прибылей от НАФТА, столкнулись сейчас в Мексике со взрывоопасной ситуацией. Они тем более напуганы, что в случае подобного взрыва им придется сражаться на два фронта — с недовольством иммигрантов в самих Соединенных Штатах (не только мексиканцев, но и латиноамериканцев вообще) и с угрозой распространения восстания на другие латиноамериканские страны. В любом случае нельзя рассматривать политическое будущее САНО в отрыве от конфликтов внутри господствующего класса по вопросу о независимости от американского капитализма. Действия сапатистов — составная часть этого соотношения политических сил. Главным неизвестным в таком буржуазном политическом сценарии остаются действия мексиканских пролетариев и их способность освободиться из-под контроля со стороны как старых бюрократических организаций (ИРП и ПДР), так и новых (САНО). Если они начнут действовать автономно, независимо, то быстро обнаружат разрыв между своими классовыми интересами и националистическими интересами этих партий и организаций. В тот самый день можно будет увидеть, как старые лидеры индейцев — «касики» и новые вожди протянут друг другу руки. Нет ни малейшего сомнения в том, что «очень одаренные молодые люди» единодушно отвергнут «нереалистические требования» молодых восставших пролетариев. Они станут осуществлять свои собственные амбиции. Ведь как сказал один революционер времен Сапаты (Рикардо Флорес Магон), «культ личности может найти себе приверженцев только среди невежественных людей или среди охотников за постами и привилегиями».

(Der Revolutionaere Funke, # 8)

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Шарль Рив
Сапатисты без маски

Скопировано 2019-05-11 с
https://avtonom.org/old/lib/theory/marcos/reave_discussion.html

ru.theanarchistlibrary.org